

МАЙСКИЙ ПАРАД

Растревожен город мирно

Звуком утренней трубы.

Замирают в стойке «смирно»

Клёны, ели и дубы.

И несёмся мы — мальчишки

К прутьям крашенных оград.

Знаем мы не понаслышке —

Нынче праздничный парад!
Отворяются ворота.
Твёрдо полк чеканит шаг.
Блещет в марше позолота.
Пламенеет с гербом стяг.
Жизнь солдат — бои и дали,
Порох, дым и кровь сполна.
На груди одних медали.
У отдельных — ордена.
Бьётся сердце у мальчишек.
Светел в мае город наш.
И витает выше крыши
Медных труб победный марш!
«В солнечный май не забывай,
Что совершили деды.
Это наш май.
Праздничный май.
Это наш день Победы!»

ПИОНЕРСКИЕ КОСТРЫ

На вершушках сосен
Отблески заката.
Рассекает небо самолёт.
Белая полоска
Тянется куда-то,
Будто бы из прошлого вперёд.
Вздываются искры
В подлунные выси.
Мы все у огня наравне и просты.
Мечтания чисты,
А взоры лучисты...
Горят пионерские летом костры.
Завещали деды
Знатное наследство
Родины. За множество веков
Громкие победы
Помнили мы с детства
Лётчиков, танкистов, моряков.

Солнце за горою.
Звёзды над рекою.
В полусне нахохлились грачи.
О судьбе и чести
Распеваем вместе
Песни пионерские в ночи.

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ

Как-то раз в трамвае тесном
Ехал с мамой паренёк.
Уступая своё место
Ветерану, он изрёк:
«Нет от них покоя вечно.
Не пройти из ряда в ряд.
Не ложится им на печке.
Влезть повсюду норовят.»
В тон ему его маманя
Говорит: «Беда. Когда
Их совсем уже не станет?
Чтоб им сгинуть без следа!»
Рядом ехали ребята
На экскурсию в музей:
Константин, Богдан и Злата,
Самый старший — Алексей.
Он-то и сказал : «Не троньте
Славу их. Она светла.
Моя бабушка на фронте
Санитаркою была.
Оба борта у жакета
Словно броник из наград.
Что ж, прикажете, за это
Бабку сбагрить в интернат?»
Не сдержался тут и Костя:
«А у нас в роду большом
Прадед был торпедоносцем.
Дед — радистом и стрелком.
И в обнимку с пулемётом,
Сидя задом наперёд,
Сбитым вражьем самолётам
Он открыл немалый счёт.»

Скромно и негромко даже
В разговор вступил Богдан:
«А мой дедушка — отважный
Белорусский партизан.
И когда я стану старше,
Не забуду я о том.
Буду петь в строю на марше
Про победы над врагом».
Тут сказала крошка Злата:
«Много всяческих наград
Есть у дедушки солдата,
А он просит автомат».
Задрожал салон от смеха.
Мчал по улицам трамвай.
Каждый в нём куда-то ехал,
А вокруг был месяц май.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СОЛДАТЫ

На далёких полустанках, -
Их не всякий видит взгляд, -
Молчаливо и устало
В тупиках они стоят.
Не цепляют пассажиры
К ним букетики из роз.
А название той машины
Всем известно — паровоз!
Мчал по рельсам очень быстро
Он, победой одержим.
Из трубы летели искры,
И валил с гудками дым...
Миномёты, танки, пушки...
На отдельных из платформ
Очень грозные «Катюши»
Мчались некогда на фронт...
А оттуда, из санбатов, -
Фронтowych госпиталей, —
Возвращались в жизнь солдаты
С окровавленных полей.
Все они теперь старушки
И деды под сотню лет..

Кто в коляске, кто-то с клюшкой...
А кого и вовсе нет...
Как железные останки
Давней силы боевой.
На далёком полустанке
Полосы прифронтной.

ПИСЬМО В 41-й ГОД

(без вести пропавшему солдату)

Где-то, где-то... Той огненной осенью
Ты пропал в сорок первом году...
И тогда же черёмуха бросила
Зацветать в нашем старом саду.
А в комод, под старенькой скатертью,
Треугольников целый завал...
Эти письма твои нашей матери
Всю войну за тебя я писал.
Ты б сейчас в ветеранском-то звании
Восседал в орденах боевых,
Ведь в погибших ты вроде не значишься,
Хоть и нет в переключке живых.
А за полем, за черною пашнею
Сединою покрылась верба.
Младший сын твой, —
Братишка мой младшенький, —
Стал, батяня, постарше тебя.
Я брожу над чужими могилами.
На гранитные плиты кладу
Георгины, тюльпаны и лилии,
Что в твоём распустились саду.
Может где-то, в каком-то селении
Есть похожее в чьей-то судьбе...
По душевному просто велению
Кто-то так же придёт и к тебе.

МИРОНОВ И ДУСЯ

В стрелковой роте его считали странным, а во взводе и вовсе долго называли блаженным, до того дня, когда политрук под видом своего дня рождения налил ему стакан водки. Миронов был после наряда и очень скоро уснул прямо за столом. Политрук обшарил его карманы и вещмешок. Нашел записную книжку. В ней короткое стихотворение.

Дочка, Дуся-дорогуся,
Я с победою вернусь,
Будь уверенной. И пусть
Нас с тобой покинет грусть
Так что ты не очень хмурься
И тем более не дуйся.
Слушай деда и бабуся,
Лапка, лапочка, лапуся,
Дорогая моя Дуся.

Здесь же были и две фотокарточки. Миронов с женой. На отдельной — он с девочкой-подростком

Алексей женился сразу после срочной службы в начале тридцатых. Жена умерла при родах. Девочку называли Дусей. Алексей души не чаял в дочке. Но после смерти жены оставил ребёнка на попечение своих родителей и ушел добровольцем на Халхин-Гол. Потом был недолгий период пребывания рядом с дочкой. Затем случился Маннергейм. Теперь вот — Гитлер.

Миронов вечно что-то мурлыкал, напевая себе под нос. Иногда можно было наблюдать необъяснимую улыбку на его лице. Впрочем, письма он получал чаще всех и в основном, написанные детской рукой его несравненной Дуси.

На фронт Алексей попал не сразу. Не отпускали его. На заводе ценили, дали бронь как специалисту, к тому же знали: вдовец, да ещё с ребёнком. Да и родители отговаривали: хватит, навоевался. Однако, как только попёр Гитлер, он сразу же начал проситься на фронт. Всякий раз ему давали от ворот поворот. Но потом махнули рукой и дали предписание явиться по месту формирования резерва. Поэтому в роту он попал в аккурат только ко Ржеву, осенью сорок второго.

Обстановка тогда менялась по несколько раз в день. Рота закрепилась на коротком участке лесной дороги. Соорудили три дзота и блиндаж. Соединили их траншеей. Но тут вдруг неожиданно поступил новый приказ: оставить эту позицию и перейти на другую. Временно,

до прихода другого подразделения, решено было оставить здесь Миронова с пулемётом и противотанковым ружьём — на всякий случай. Во взводе их всего было два: однозарядное Дегтярёва и пятизарядное Симонова. Ему оставили первое. Пулемёт Дегтярёва Алексей знал хорошо и стрелял отменно. А вот с противотанковым ружьём — ПТРД41 — дело обстояло иначе. Точнее, этот вид вооружения ему держать в руках ещё не доводилось. Правда, командир взвода проинструктировал его подробно, а на прощанье сказал: «Там, в ящике, есть печатная инструкция, так что можешь ещё почитать на досуге для закрепления материала. Хотя сомнительно, чтобы здесь появились танки. В общем, не пропадёшь. Через пару дней встретимся. Бывай».

Ночь прошла относительно спокойно, лишь доносились до него залпы и взрывы. А под утро Алексей услышал мотоциклетный треск. Прислушался. Доносился он не из тыла. А через несколько секунд увидел: прямо на него, один за другим, шли три мотоцикла с немцами. Видимо разведгруппа, сообразил Миронов. Он сначала было припал к пулемёту, но через секунду принял решение не мелочиться. Потянул к себе противотанковое ружьё, помня инструкцию комвзвода, зарядил, прицелился и шарахнул по головному мотоциклу. Тот подпрыгнул и, сделав кульбит, замер грудой искорёженного металла, подмяв под себя седоков. Чтобы не терять время на перезарядку, Миронов, быстро пересев за пулемёт, расправился с двумя остальными мотоциклами, так что в обратном направлении восвояси успел убраться один солдат. Поэтому Миронов не удивился, когда через полчаса показалась цепь автоматчиков. Когда первые десять-пятнадцать немцев полегли, Миронов увидел, что его пытаются обойти. Он перебежал по траншее в другой дзот и оттуда повёл огонь. Вскоре и эта атака была отбита. Через какое-то время ему пришлось бежать в правый дзот, так как нависла новая угроза обхода. И эта группа немцев полегла среди деревьев. Потом — опять на левый фланг позиции, вновь — направо. Потом — в центр. Опять — налево. Так всё утро он и мотался с одного фланга на другой, создавая у немцев ложное представление, что на противостоящей к ним позиции находится как минимум один упорный и отважный взвод красноармейцев. В полдень в небе показались мессершмитты. Когда через час Алексей выбрался из-под земли и остатков дзота, он не узнал обстановку. Едва переведя дух и кое-как приведя позицию в положение, пригодное к бою, он с ужасом услышал шум приближающегося танка. Судорожно отыскал противотанковое ружьё. Проверил готовность. И, едва успев залечь наизготовку, увидел это мерзкое железное чудовище уже в сотне шагов от себя. Он успел сделать выстрел. Только один. И опять удача. Танк забуксовал

на перебитой гусенице и кособоко замер. Из него выбрался экипаж и, отстреливаясь, ретировался. Но Миронову и тут повезло. Немцы ушли, не причинив ему вреда.

Однако не прошло и получаса, как на дороге показался грузовик с автоматчиками. Миронов дал выстрел из ПТРД. Машина ехала хоть и не быстро, но остановилась так резко, что из кузова медленно вываливались ошалевшие солдаты и, кое-как сориентировавшись, повели огонь в сторону Миронова. И снова ему пришлось бегать из одного дзота в другой, имитируя мощное укрепление.

Вечерело. Пошёл дождь. Оставшиеся живыми немцы ушли. Миронов привёл в порядок блиндаж. Умылся. Переоделся. Перекусил оставленными ему консервами. Свернул самокрутку с самосадом. На солдатский ватник накинул плащ-палатку и выглянул наружу. Стемнело. Дождь прекратился. На небе высыпали звёзды. Алексей, присев на пенёк, чиркнул спичкой, закурил. Вздыхнул.

— Где ж ты, моя Дуся-дорогуся? — пробормотал он. — Как ты там без меня? О-хо-хо... — он с наслаждением сделал затяжку, потом ещё...

С рассветом немцы возобновили атаку. Но к своему удивлению не встретили никакого сопротивления. Рота солдат облазила всю позицию, и не обнаружила ни единого русского, кроме окоченевшего военнослужащего с пулевым ранением в голову от снайперского выстрела. Через час на позицию прибыл немецкий генерал.

— Куда же делись обороняющиеся? — с удивлением спросил генерал у офицера.

— Судя по всему, господин генерал, здесь был всего один солдат. Следов других нет.

— Он был один... Это невероятно... И какие же он нанёс нам потери?

— Господин генерал, этот сталинский фанатик подбил танк, уничтожил мотоцикл, вывел из строя грузовик и убил больше сотни солдат. Также есть предположение, что это он из своего поганого ручного орудия сбил самолёт. Как прикажете поступить с этой скотиной?

— Сначала захоронить всех наших. А этого... Этого тоже похоронить... Индивидуально.

— Господин генерал, это сталинская фанатичная обезьяна... Животное... Русская свинья... Собака... Вот его документы.

— Это солдат, обер-лейтенант. Вот. Посмотрите. Солдат Алексей Миронов!

— Вы читаете по-русски?

— Ну, это не самая большая сложность на земле. В Первую мировую я был на русском фронте. Угодил в плен. Некоторое время провёл

в России. Познакомился со многими русскими. На обезьян они совсем не похожи. И этот солдат не обезьяна. И уж тем более никакая это не свинья. Нормальный и даже хороший солдат... Если бы у вас была сотня таких рядовых, я не пожалел бы для вас вне очереди звания майора. А вот и фото, поглядите! Это, наверное, его семья... Жена... Дочка... У свиней и обезьян такого не увидишь... И не о Сталине он думал — о дочке. Он очень хороший русский солдат... Если бы у меня были такие солдаты, я был бы фельдмаршалом. Похоронить с почестью.

- Господин генерал, это невозможно, он убийца наших солдат.
- Похоронить как героя.
- Господин генерал, он не офицер.
- Все мы солдаты, и генералы, и рядовые.
- Господин генерал, он...
- С каменным надгробьем и салютом. Выполняйте. О готовности доложите. Я проверю.
- Слушаюсь!

Закончилась война. Прошло ещё пятнадцать лет. Однажды летом дети из пионерского лагеря гуляли по лесу и набрали на немецкое захоронение с множеством крестов. А чуть поодаль они обнаружили очень странную могилу, тоже заросшую травой и кустарником, но добротнo устроенную. Надпись была сделана на немецком языке; но, как ни странно, гласила она о том, что захоронен здесь был русский солдат Алексей Миронов. Пионеры сообщили о находке старшей пионервожатой. Та — директору. Через несколько дней информация поступила в местный военкомат. Тогдашний районный военком не остался равнодушным, заинтересовался пионерской находкой, побывал на месте и взялся за собственное расследование. Однако скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается. Следствие затянулось настолько, что дело принял уже новый военком. Следом за ним был очередной сменщик. Потом — другой... Третий... Четвёртый... Пятый... Один из них проводил эксгумацию. Другой наводил справки. Следующий уже пытался выхлопотать посмертную награду Миронову. Пятый или шестой продолжил дело предшественника. Много подтверждалось данными из архивов. Однако наградить посмертно солдата Алексея Миронова не решился никто из тех, от кого это конкретно зависело. Уж больно надпись на немецком языке многим не нравилась. Впрочем, о наградах сам Алексей и не помышлял. На уме у него была одна лишь Дуся-дорогуся. А коли нет награды, то и не говорили о нём по радио и не писали статей. Поэтому и Дусю-дорогусю никто не искал.